

В.И. Герье

**Отношения Лейбница к
России и Петру Великому**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Герье**
Отношения Лейбница к России и Петру Великому / В.И. Герье – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 216 с.

ISBN 978-5-518-09660-8

ISBN 978-5-518-09660-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТНОШЕНІЯ ЛЕЙБНИЦА КЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Gagner l'esprit d'un seul homme tel que le Czar et le tourner au véritable bien, en luy inspirant un véritable zèle pour la gloire de Dieu et pour la perfection des hommes, c'est plus faire, que si on gaignoit cent batailles, car de la volonté d'un tel homme dependent plusieurs millions des autres.

Leibniz.

I.

Взглядъ Лейбница на значеніе Россіи. — Старанія Лейбница получить свѣдѣнія о Россіи до прібытія за границу великаго посольства. — Его переписка съ Лудольфомъ и бранденбургскимъ посланникомъ въ Россіи Рейеромъ. — Куманскій лексиконъ изъ бібліотеки Петрарки. — Письмо Лейбница о пребываніи Петра въ Кенигсбергъ. — Прібытіе русскаго посольства въ Ганноверъ. — Попытки Лейбница получить доступъ къ нему. — Письмо къ Ф. Лефорту. — Записка о водвореніи наукъ въ Россіи. — Письмо Лейбница къ племяннику Лефорта въ Голландію. — Оtvѣтъ Лефорта. — Письмо о пребываніи Петра въ Коппенбургѣ и въ Сардамѣ. — Попытки Лейбница воспользоваться пребываніемъ царя въ Голландіи. — Переписка съ Витзеномъ. — Заботы Лейбница о воспитаніи царевича. — Письмо его къ Софіи-Шарлоттѣ Прусской. — Описанія Лейбница въ началѣ Шведской войны. — Переписка его съ Спарвенфельдомъ. — Стихи графини Матвѣевой. — Письмо къ Сторрену о Карлѣ XII. — Заключение.

Съ начала XVIII вѣка европейская исторія получаетъ для насъ совершенно новое значеніе. Россія становится европейскою державою, принимаетъ участіе въ дѣлахъ западныхъ государствъ и своимъ вліяніемъ видоизмѣняетъ ихъ отношенія. Чѣмъ болѣе будутъ развиваться матеріальныя и нравственныя силы Россіи, тѣмъ значительнѣе будетъ ея вліяніе, тѣмъ болѣе жизнь русскаго народа будетъ сливаться съ жизнью западно-европейскаго человѣчества. Вслѣдствіе этого осо-

бный интересъ получаетъ въ нашихъ глазахъ первая встрѣча между Россіей и западною Европой. Во внутренней жизни Россіи это столкновение произвело такой переворотъ, что съ него начинается новый періодъ русской исторіи. На западную Европу встрѣча съ Россіей произвела, конечно, менѣе сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что вниманіе тогдашняго европейскаго общества было отвлечено страшною войною, которая могла повлечь за собою самые существенные результаты. Тѣмъ не менѣе переворотъ, готовившійся на востокѣ, не ускользнулъ отъ вниманія передовыхъ людей. Впечатлѣніе, произведенное на западнаго человѣка появленіемъ новаго восточнаго государства, особенно ярко отразилось на Лейбницѣ, который съ такимъ живымъ участіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось вокругъ него, и съ такимъ сочувствіемъ привѣтствовалъ все, что обѣщало содѣйствовать прогрессу и общимъ интересамъ человѣка. Поэтому мысли и надежды, возбужденныя въ Лейбницѣ дѣятельностью великаго преобразователя Россіи, и многочисленные проекты, составленные воспримчивымъ гениемъ западнаго философа для водворенія наукъ въ Россіи, не только получаютъ значеніе для его біографіи, но составляютъ интересный памятникъ той эпохи, когда на Россію перестали смотрѣть какъ на страну, представляющую только матеріалъ для любознательныхъ путешественниковъ, и начали сознать ея права и предчувствовать ея призваніе.

Лейбницъ, съ свойственною ему проникательностью, точно опредѣлилъ будущее значеніе Россіи. Ей предстояли, по его мнѣнію, двѣ задачи: изгнать Турокъ изъ Европы и цивилизовать востокъ. „Ей суждено сдѣлаться“—воскликнулъ онъ—„посредствующимъ звеномъ между двумя мірами, западнымъ и восточнымъ“. Но еще прежде, чѣмъ изумительные успѣхи молодого царя могли возбудить въ Лейбницѣ подобныя надежды, онъ интересовался Россіей и собиралъ о ней всевозможныя свѣдѣнія. Его вниманіе сосредоточивалось по преимуществу на двухъ вопросахъ. Онъ старался получить изъ Россіи какъ можно больше матеріала для филологическихъ и этнографическихъ соображеній. Онъ зналъ, что вопросъ о родствѣ языковъ и происхожденіи народовъ не можетъ быть разрѣшенъ, пока не будетъ изслѣдовано громадное степное пространство, которое тянется отъ Карпатскихъ горъ мимо Каспійскаго моря къ Аральскому и къ границамъ Китая. Чтобы удовлетворить своей любознательности, Лейбницъ заводилъ переписку со всѣми лингвистами, которые занимались языками восточной Европы и Азии, и особенно съ тѣми, которые имѣли связи въ Польшѣ

и въ Россіи. Съ этою цѣлью онъ спрашивалъ путешественниковъ и дипломатовъ и входилъ въ сношенія съ голландскими и шведскими учеными, съ римскими и польскими іезуитами ¹⁾.

Не въ меньшей степени занимала Лейбница надежда, что невѣдомая, обширная Россія отвергнетъ, наконецъ, доступъ къ себѣ европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи онъ сопоставлялъ Россію съ Китаемъ и Абиссиніей. Скошенія Европейцевъ съ Китаемъ никогда еще не были такъ живы, какъ въ концѣ XVII вѣва, благодаря усиліямъ и ловкости іезуитовъ, которые сумѣли возбудить интересъ богдыхана и китайскихъ министровъ къ математическимъ наукамъ и этимъ средствомъ заискать ихъ расположеніе. Мы видѣли, какого высокаго мнѣнія были Европейцы объ образованности Китайцевъ, и какихъ плодовъ Лейбницъ оживлялъ отъ взаимодѣйствія китайской и европейской цивилизацій ²⁾. Почти также преувеличено было мнѣніе Европейцевъ того времени о значеніи и могуществѣ Абиссинскаго царя. Лейбницъ вполне раздѣлялъ надежды своего друга Лудольфа, что посредствомъ миссіонеровъ и посольствъ отъ европейскихъ государей къ негушу можно было бы пробудить къ новой жизни древнюю цивилизацію христіанской Абиссиніи, въ союзѣ съ нею положить конецъ владычеству султана и распространить цивилизацію по всему громадному пространству африканскаго материка ³⁾.

¹⁾ О томъ, какъ интересовался Лейбницъ свѣдѣніями о Россіи, свидѣтельствуеъ подробное извлеченіе на нѣсколькихъ мелко написанныхъ листахъ, сдѣланное имъ изъ сочиненія Кильбургера «О русской торговлѣ». Кроме того, между бумагами Лейбница встрѣчаются разныя замѣтки о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Россіи и предметахъ ея торговли. Въ одной изъ нихъ объяснено значеніе русскихъ названій: мамонтова кость, Адамова кость, наливное яблоко (*Malum dictum Naliva*), *Voltachnoi Kogen*, стерлядь, выхухоль. Тутъ же объяснено, что скорбутъ, *quasi Russi Tsinga vocant*, славянское слово, *quasi morbus katexochen*, такъ какъ *esoch* по славянски означаетъ болѣзнь.

²⁾ См. статью «Лейбницъ и его вѣкъ» въ *Журналъ Минист. Народн. Просв.* за августъ 1867 г., стр. 337—338.

³⁾ Этотъ планъ о союзѣ Абиссиніи съ европейскими государствами для уничтоженія турецкаго владычества въ древнехристіанскихъ областяхъ Азии и Африки былъ возобновленъ въ наше время и на этотъ разъ исходилъ отъ самой Абиссиніи. Приглашеніе приступить къ союзу противъ Турціи составляло, какъ извѣстно, содержаніе того роковаго письма къ королеви Викторіи, которое послужило поводомъ къ несчастному концу царя Теодора Абиссинскаго. Англійское правительство оставило это письмо безъ отвѣта отчасти потому, что боялось оскорбить султана и вице-короля Египетскаго сношеніями съ ихъ врагомъ, и возобудило этимъ негодованіе послѣдняго. См. *Petermann, Geogr. Mitth.* 1869 г., IV,

Въ своей перепискѣ Лейбницъ начинаетъ часто упоминать о Россіи въ шестьсотъ-девяностыхъ годахъ. Съ этого времени она привлекаетъ все больше и больше его вниманіе, какъ видно изъ его писемъ въ Витзену, Лудольфу и Сварвенфельду ¹⁾. Это, конечно, было не случайно, а зависѣло отъ того, что съ этого времени сношенія иностранцевъ съ Россіей становились все легче и легче, и что вниманіе западныхъ людей все болѣе и болѣе возбуждалось переимѣнами, послѣдовавшими по воцареніи Петра. Въ 1692 году Лейбницъ извѣстилъ Гоа Лудольфа, что онъ обратился въ ученому польскому іезуиту Коханскому съ просьбою доставить ему какія-нибудь свѣдѣнія о языкахъ „внутренней Сквои“ и прежде всего „Отче нашъ“ на невѣдомыхъ языкахъ, и что Коханскій писалъ объ этомъ въ польскому резиденту въ Москвѣ ²⁾.

Объ этомъ Лудольфѣ мы уже упоминали въ первой части нашего сочиненія. Онъ былъ саксонскимъ резидентомъ во Франкфуртѣ, прославился своими трудами по исторіи и филологіи, особенно же своими изслѣдованіями о языкѣ и нравахъ Абиссиніи. Лудольфъ зналъ двадцать-пять языковъ, и между прочимъ польскій и славянскій. Первому онъ выучился у двухъ Поляковъ, съ которыми ѣздилъ въ Рязь, а второму въ Стокгольмѣ, при дворѣ королевы Христины, по лютеранскому катихизису на русскомъ языкѣ ³⁾.

Въ 1696 году Лейбницъ жалуется Лудольфу, что Москвитяне упорно отказываютъ въ проѣздѣ черезъ ихъ страну, и продолжаетъ:

„Надобно надѣяться, что они мало по малу сдѣлаются обходительнѣе. Желательно было бы, чтобъ у нихъ кто-нибудь дѣйствовалъ такъ, какъ ты у Эсіоповъ. Если бы только обширное Московское царство склонилось въ просвѣщеннымъ нравамъ Европы, то христіанство получило бы величайшіе плоды. Есть однако надежда, что Москвитяне выйдутъ изъ усмиленія. Несомнѣнно, что царь Петръ сознаетъ недостатки своихъ подданныхъ и желаетъ мало по малу искоренить ихъ невѣжество. Говорятъ, что онъ ума живаго, но нѣсколько горяча. Я слышалъ, что одинъ изъ родственниковъ твоихъ, секретарь принца Георгія, приобрѣлъ завидныя познанія (non roenitenda regum

гдѣ представлень сводъ изъ обширной современной литературы объ Абиссинскомъ дѣлѣ.

¹⁾ Вся иѣста, относящаяся къ Россіи въ изданной до сего времени перепискѣ Лейбница, собраны академикомъ Пекарскимъ въ его статьѣ: «Переписка Лейбница о славянскихъ нарѣчіяхъ и древностяхъ», помѣщенной въ *Запискахъ Императорской Академіи Наукъ*, т. IV.

²⁾ Leibn. Op. Omn., ed. Dutens, т. VI, ч. I, стр. 105 — 110.

³⁾ Катихизисъ этотъ былъ напечатанъ въ 1628 г. Фанъ-Салавомъ въ Стокгольмѣ; см. статью Пекарскаго въ *Зап. Акад. Наукъ*, т. IV, стр. 3.

Moscicaram notitia) въ русскомъ языкѣ и предпринимаетъ различные важныя труды“¹⁾.

Родственникъ Лудольфа, о которомъ говоритъ Лейбницъ, былъ его племянникъ Генрихъ-Вильгельмъ Лудольфъ, который сдѣлался секретаремъ принца Георга Датскаго, мужа английской принцессы Анны. Важный трудъ, о которомъ намекаетъ Лейблицъ, есть русская грамматика Лудольфа, напечатанная въ Оксфордѣ въ 1696 году.

И въ послѣдствіи въ своей перепискѣ съ Іовомъ Лудольфомъ, Лейбницъ часто упоминаетъ о Россіи и о русскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, нѣсколько писемъ изъ ихъ переписки занято споромъ о происхожденіи слова *царь*, при чемъ Лейбницъ, основываясь на томъ, что по русски говорятъ *царь Давидъ*, *царь Соломонъ*, доказывалъ, что это слово не можетъ происходить отъ латинскаго *Caesar*²⁾.

Польскій резидентъ въ Москвѣ, чрезъ посредство котораго іезуитъ Коханскій надѣялся доставить Лейбницу различныя свѣдѣнія изъ Россіи, повидимому, не оправдалъ этихъ надеждъ. Но въ 1694 году Лейбницу удалось завести непосредственныя сношенія съ человѣкомъ, бывавшимъ въ Россіи. Это былъ бранденбургскій гофратъ Рейеръ, пріѣзжавшій въ Россію въ качествѣ посланника (*envoyé*). Лейбницъ познакомился съ нимъ заочно чрезъ посредство своего друга курфирстскаго секретари Кюно въ Берлинѣ и просилъ его сообщить ему всевозможныя свѣдѣнія о Россіи и ея жителяхъ. Въ бумагахъ Лейбница сохранилась копія съ письма этого Рейера къ Кюно, въ которомъ Рейеръ благодаритъ послѣдняго за то, что онъ доставилъ ему знакомство съ знаменитымъ Лейбницемъ, и обѣщаетъ приложить всѣ старанія, чтобъ исполнить возложенныя на него порученія. Онъ старается напередъ оправдать свудость своихъ извѣстій тѣмъ, что „Московский народъ совершенно неспособенъ къ изысканію подобныхъ диковинокъ (*Curiositäten*), ибо онъ не прилагаетъ ни малѣйшаго труда ни къ чему, что не пахнетъ деньгами или не представляетъ явной пользы“. Рейеръ обѣщаетъ просить „главнаго директора почтъ въ Москони“ Виніуса, родомъ Нѣмца, или точнѣе, Голландца, и внозенныхъ пословъ въ Москвѣ о доставкѣ желаемыхъ свѣдѣній, но готовъ и въ настоящее время сообщить Лейбницу кое-какія извѣстія, которыя онъ узналъ отъ людей, бывавшихъ въ Сибири, и между прочимъ,

¹⁾ Leibn. Op. Omn. т. VI. ч. I, стр. 128. Письмо перев. въ статьѣ *Лепарскаю*, гдѣ собраны также біографическія свѣдѣнія о семьѣ Лудольфовъ.

²⁾ Переписка между Лейбницемъ и Лудольфомъ хранится въ Ганноверской публичной бібліотекѣ.

прислать извлеченіе изъ письма французскаго іезуита къ патеру Ла-Шезу, отъ 22-го августа 1689 года, написаннаго въ 300 миляхъ разстоянія отъ Пекина и перехваченнаго въ Москвѣ. Сохранилось также другое письмо Рейера, написанное прямо въ Лейбницу, въ которомъ онъ высказываетъ ту же готовность исполнять его порученія. На оборотѣ этого письма написанъ черновой отвѣтъ Лейбница. Изъ него видно, что Лейбницъ передъ этимъ уже получилъ кое-какія извѣстія отъ Рейера. Письмо показываетъ также, съ какимъ трудомъ въ то время проникали въ западную Европу свѣдѣнія изъ Россіи, и какихъ хлопотъ стоило Лейбницу собирать эти свѣдѣнія.

„Извѣстія, которыя я получилъ отъ васъ и которыхъ можно ждать отъ вашего знакомства съ Россіей, для меня тѣмъ болѣе дороги, что путь, вами открываемый, представляетъ единственное средство, чтобы проникнуть въ страны, казавшіяся недоступными для европейской любознательности.... Ваши сношенія съ г. Виниусомъ¹⁾—превосходное средство, чтобы разъяснить дѣла. Онъ съ спокойною совѣстью можетъ оказывать намъ свое содѣйствіе, потому что все это можетъ послужить только въ славѣ его государей и къ тому, чтобы сдѣлать извѣстными ихъ могущество.

„Мнѣ какъ-то писали изъ Польши, что между Китайцами и Москвитянами произошла новая ссора, но я этому не могу повѣрить. Меня извѣщали также, что царь Петръ намѣренъ ввести въ Московію болѣе цивилизованные обычаи нашей Европы. Этотъ могущественный государь можетъ сдѣлать великое дѣло, если двинется на Крымскихъ Татаръ. Князь Голицынъ, который палъ вмѣстѣ съ царевною Софіей, два раза предпринималъ нахрапный походъ противъ Перекопа. Но я надѣюсь, что теперь лучше возьмутся за дѣло. Еще какой-то другой князь Голицынъ, считавшійся любимцемъ царя Петра, былъ потомъ удаленъ отъ двора. Но кажется, я слышала, будто бы какого-то Голицына снова возвратили. Отецъ Грималди, іезуитъ, прибывшій изъ Китая, говорилъ мнѣ въ Римѣ о Московскомъ посланникѣ, называвшемся, кажется, Спатаромъ, котораго онъ зналъ въ Пекинѣ. Онъ считаетъ его человекомъ достойнымъ. Мнѣ разказывали также объ одномъ очень ловкомъ Шелландцѣ, Менезіусѣ, который состоитъ въ службѣ при отцѣ матери царя Петра. Газеты говорили еще о Ла-Форетѣ (кажется, онъ Женеведъ), одномъ изъ царскихъ генераловъ, который принимаетъ участіе въ теперешнемъ походѣ. Я не сомнѣваюсь, что г. Виниусъ видѣлъ карту Великой Тартаріи, издавную Витзеномъ, Амстердамскимъ бургомистромъ, и посвященную царямъ. Матеріалъ для нея онъ почерпнулъ изъ извѣстій, полученныхъ имъ въ Москвѣ, гдѣ онъ самъ нѣкогда былъ. Но я не сомнѣваюсь, что съ тѣхъ поръ отсюда получены новыя свѣдѣнія. Впрочемъ, отношенія языковъ, безъ помощи которыхъ нельзя опредѣлить родства народовъ, еще не выяснены. Мнѣ говорили объ одномъ Нѣмцѣ²⁾, поселившемся въ Голландіи, который занимается русскимъ язы-

¹⁾ Лейбницъ называетъ въ этомъ мѣстѣ Виниуса: «Chancelier des dépêches des Czars».

²⁾ Лудольфъ.

комъ. Я уважаю всякій трудъ, изъ котораго можно чему-нибудь научиться, но я предпочелъ бы имѣть свѣдѣнія о языкахъ менѣе извѣстныхъ. Не помню, говорилъ ли я въ запискѣ, сообщенной вамъ чрезъ посредство г. Кюно, что въ одной рукописи XIII вѣка найденъ образецъ языка Куманъ, жившихъ въ Тартарѣ. Тамъ сказано, что въ маленькомъ лексиконѣ персидско-куманско-латинскомъ были приведены слѣдующія слова: mesnoem—esitarmen—audio; mesnoy—esitarzen—audis; mesnoet—esitar—audit. Такимъ образомъ можно нанести на слѣдъ куманскаго языка съ помощью словъ, обозначающихъ глаголъ *слышать* у татарскихъ народовъ“¹⁾.

Въ письмѣ къ Спарвенфельду отъ 29-го января 1697 года Лейбницъ подробно говоритъ объ этомъ лексиконѣ и сообщаетъ, что онъ видѣлъ въ Италіи каталогъ рукописей, принадлежавшихъ Петраркѣ, и что между ними былъ обозначенъ и куманско-латинскій лексиконъ. Эта рукопись сохранилась до нашего времени; вмѣстѣ со многими другими она перешла, по завѣщанію Петрарки, въ бібліотеку Венеціанской республики, гдѣ впрочемъ о ней и забыли. Но знаменитый ориенталистъ Клапротъ, узнавъ изъ старинной біографіи Петрарки (соч. *Tommasini—Padua*, 1650) о существованіи этой рукописи, навелъ о ней справки, и ему прислали изъ Венеціи копію съ нею²⁾. Эта рукопись тѣмъ болѣе замѣчательна, что она составляетъ въ наше время почти единственный памятникъ куманскаго языка, который нѣкогда игралъ довольно значительную роль на европейскомъ востокѣ.

Куманы (Половцы), до покоренія ихъ Татарами, кочевали по степному пространству между Волгой и Дунаемъ. Генуэзцы, поселившіеся въ Крыму, находились въ прямыхъ сношеніяхъ съ ними, а италіанскіе миссіонеры, отправлявшіеся на востокъ, изучали ихъ языкъ, такъ какъ знакомство съ нимъ давало имъ возможность объясняться съ турко-татарскими племенами, съ которыми они встрѣчались на дальнѣйшемъ пути. О важности, которую имѣло для Италіанцевъ знакомство съ куманскимъ языкомъ, свидѣтельствуетъ попытка составить лексиконъ для болѣе удобнаго изученія его: Послѣ нашего вѣдѣнія Татаръ значеніе Куманъ пало, и остатки ихъ смѣшались съ Ногайцами. Но еще въ XI вѣкѣ (въ 1086 г.) часть Куманъ перешла въ Венгрію и поселилась на берегахъ Тиссы. Долго эти Куманы вели кочевую жизнь, наконецъ; въ 1410 году они приняли христіанство и сдѣлались земледѣльцами. Теперь они въ числѣ около 70.000 душъ населяютъ два комитата, носящіе ихъ имя, но уже говорятъ по венгерски. Въ 1770 году Варронъ видѣлъ послѣдняго старика, говорившаго по кумански.

¹⁾ Въ письмѣ къ Спарвенфельду Лейбницъ пишетъ третье лице *esitar*.

²⁾ См. замѣтку Клапрота въ *Journal Asiatique*, VIII, стр. 114, 1826 года.

Въ письмѣ къ Рейеру Лейбницъ касается еще другаго интереснаго вопроса, относящагося къ древностямъ южной Россіи, именно Готовъ въ Крыму.

„Г. Лудольфи“¹⁾—пишетъ онъ— „извѣстилъ меня, что справился о томъ, сохранились ли въ Крыму потомки Нѣмцевъ, о которыхъ говоритъ Бусбекій, но не могъ ничего узнать. Я однако не могу сомнѣваться въ разказѣ этого автора; ибо мы знаемъ изъ другихъ извѣстій, относящихся ко времени господства Генуэзцевъ въ Крыму, что тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ господствовала нѣмецкій языкъ, хотя, конечно, онъ могъ исчезнуть съ тѣхъ поръ. Все это стоило бы болѣе точнаго изслѣдованія“.

Вопросъ о томъ, когда исчезли послѣдніе Готы въ Крыму, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ недостаточно изслѣдованъ. До нашествія Гунновъ Готы, еще не распавшіеся на восточныхъ и западныхъ, были расселены по берегу Чернаго моря на обширномъ пространствѣ между Дунаемъ и Волгою. Гунны заставили ихъ двинуться на западъ къ предѣламъ Римской имперіи, но часть ихъ проникла въ Крымъ, гдѣ они долго сохраняли свою національность и въ церковномъ отношеніи составляли отдѣльную епархію. Титулъ Готескаго митрополита былъ уничтоженъ только въ 1786 году, послѣ присоединенія Крыма къ Россіи. Остатки же Готовъ были истреблены гораздо раньше. Венеціанскій путешественникъ Барбаро, жившій въ XV вѣкѣ, еще упоминаетъ о Готахъ. Бергеронъ ссылается на свидѣтельство Мишова (Michow), также упоминавшаго о Готахъ. Этотъ Мишовъ, вѣроятно, не кто иной, какъ Краковскій каноникъ Матвѣй изъ Мѣхова, жившій около 1521 года. Еще позднѣе свидѣтельство австрійскаго посла Бусбекія, который въ 1562 году въ Константинополѣ видѣлъ Готовъ изъ Крыма и замѣтилъ, что языкъ ихъ былъ очень похожъ на нѣмецкій. Но нѣкоторые писатели сомнѣваются въ справедливости этого показанія и полагаютъ, что Бусбекій принялъ за Готовъ польскихъ Евреевъ, пріѣхавшихъ изъ Крыма и уже тогда употреблявшихъ ломаный нѣмецкій языкъ. Рейнегсъ, напримѣръ, не допускаетъ, чтобы потомки Готовъ сохранились въ Крыму позднѣе IX вѣка²⁾.

¹⁾ Такъ Лейбницъ въ своихъ письмахъ называетъ Г. Лудольфа.

²⁾ Еще недавно германисты Массманъ и Маннгардтъ сдѣлали попытку истолковать съ помощью древне-готскаго языка стихи, записанные Бусбекіемъ и слышанные имъ отъ людей, которыхъ онъ принималъ за Крымскихъ Готовъ. Пока не будетъ доказано, какому языку принадлежатъ слова стихотворенія, приведеннаго Бусбекіемъ, предположеніе, что въ XVI вѣкѣ еще существовали остатки Готовъ въ Крыму, будетъ считаться для многихъ сомнительнымъ. См. статью въ *Zeitschr. f. vergl. Sprachf.*, изд. Кума, 1856 г.

Послѣ этого отступленія возвратимся къ письму Лейбница. Онъ просить Рейера разъяснить ему отношеніе между прусскимъ и ливонскимъ языками, которые употребляются въ Литвѣ, и говорить, что было бы хорошо собрать объ этомъ предметѣ болѣе точныя свѣдѣнія, чтобы знать, въ какихъ мѣстахъ Литвы языкъ отличается отъ нѣмецкаго или славянскаго, и приближается ли онъ къ финскому, или составляетъ какой-нибудь особенный языкъ. „Я не знаю“, — спрашиваетъ Лейбницъ, — „одинъ ли и тотъ же языкъ слѣдуетъ разумѣть подъ названіями lettisch и teutsch, и на которомъ изъ нихъ говорили древніе Прусы и говорятъ теперь Курляндцы и Ливонцы.... Я боюсь надоѣсть вамъ этими безконечными мелочами“, — заключаетъ Лейбницъ свое письмо къ Рейеру, — „и я бы не коснулся этого предмета, если бы мнѣ не была извѣстна ваша любознательность. Знакомство съ такимъ достойнымъ человѣкомъ, какъ вы, мнѣ дороже, чѣмъ нѣсколько варварскихъ словъ“.

По словамъ Лейбница въ приведенномъ письмѣ къ Лудольфу, гдѣ онъ возлагалъ такія надежды на молодого царя, можно судить, съ какимъ живымъ участіемъ онъ принялъ извѣстіе, что за границу ѣдетъ большое русское посольство, при которомъ находится самъ царь. Онъ старался собрать какъ можно больше извѣстій о путешествіи этого посольства, о лицахъ, изъ которыхъ оно состояло, о характерѣ царя и объ его намѣреніяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ различныя реляціи и письма ¹⁾, касающіяся русскаго посольства, которыя были собраны Лейбницемъ и сохранились въ его бумагахъ. Особенно помогала ему въ этомъ дѣлѣ Софія-Шарлотта, которая сама чрезвычайно интересовалась русскими гостями. Она очень жалѣла, что не могла отправиться въ Кенигсбергъ, гдѣ ея супругъ, курфирстъ Фридрихъ, принималъ царя. Ея любопытство было сильно возбуждено различными разказами, и она желала посмотрѣть на царя, какъ на диковинку.

Софія-Шарлотта просила министра Фукса прислать ей изъ Кенигсберга подробныя описанія всего, что онъ увидитъ, и непременно устроить такъ, чтобы посольство съ царемъ проѣхало черезъ Берлинъ. Но Русскіе, какъ извѣстно, застались довольно долго по причинѣ польскихъ дѣлъ, и прежде, чѣмъ посольство прибыло изъ Кенигсберга въ Берлинъ, Софія-Шарлотта уѣхала къ своей матери въ Ганноверъ.

¹⁾ Письма къ Софіи-Шарлоттѣ о приѣмѣ и пребываніи русскаго посольства въ Кенигсбергѣ, сохранившіяся въ бумагахъ Лейбница, и нѣсколько реляцій о томъ же предметѣ, находящіяся въ Ганноверской библіотекѣ, будутъ напечатаны нами въ послѣдствіи.

Тамъ съ любопытствомъ слушали ея разказы о Кенигсбергскихъ гостяхъ. Лейбницу хотѣлось подѣлиться ими также съ Вольфенбюттельскими друзьями и потѣпить своего стараго покровителя, герцога Антона-Ульриха, разказами объ интересномъ сѣверномъ царѣ. На основаніи свидѣній, полученныхъ отъ Софій-Шарлотты, Лейбницъ составилъ для герцога слѣдующее письмо ¹⁾:

„Что же касается царя, то по послѣднимъ извѣстіямъ, въ Кенигсбергѣ продолжаютъ ему оказывать всевозможныя почести, на сколько позволяетъ его инкогнито. Курфирсть угощалъ его въ загородномъ домѣ. Въ этомъ угощеніи принимали участіе курфирсть, маркграфъ, герцогъ Голштейн-Бекскій, оберъ-президентъ, военный комиссаръ, его братъ и нѣсколько другихъ. Царь былъ очень веселъ и говорилъ со всѣми совершенно запросто. Онъ хвалилъ мягкость здѣшнихъ нравовъ и порицалъ жестокости своей страны. Онъ гулялъ нѣсколько часовъ по саду съ курфирстомъ. Услышавъ звуки гобоевъ, онъ сталъ самъ играть на этомъ инструментѣ, и видно было, что онъ нѣсколько учидся музыкѣ. Онъ также билъ въ барабанъ гораздо лучше графа Книппгаузена. У него много любознательности, а также живости, и она мѣшаетъ ему быть спокойнымъ. Вотъ почему стоило ужасныхъ трудовъ нарисовать его портретъ; наконецъ это удалось, и портретъ вышелъ довольно похожъ. Когда одинъ изъ его окружающихъ провинился довольно серьезно, царь сказалъ ему: „Если бы мы были въ Москвѣ, тебя наказали бы внутомъ, но здѣсь мы въ странѣ мягкихъ нравовъ, и я тебя прощаю“. Наконецъ прибыли три его посланника. Въ совѣтѣ курфирста было рѣшено, что посольство слѣдуетъ принять съ великою честью, такъ какъ при немъ находился самъ царь, хотя инкогнито. Это посольство состоитъ изъ генерала Лефорта, главнаго военного комиссара и государственнаго канцлера. Пернаго выдають за любимца. Онъ—Женевскій уроженецъ и любитъ великолѣпіе. Онъ и подалъ царю мысль о путешествіи и о реформахъ. Лефортъ пьетъ богатыремъ; никто не въ состояніи съ нимъ соперничать. Болталъ, чтобы онъ не уморилъ кого-нибудь изъ придворныхъ курфирста. Начиная съ вечера, онъ не оставляетъ трубки и стакана ранѣе трехъ часовъ по восхожденіи солнца. А между тѣмъ онъ человекъ большого ума. Другіе два Москвитянина, его товарищи, гораздо сдержаннѣе. Курфирсть сказалъ царю, что ему трудно будетъ удержаться отъ смѣху, когда во время аудіенціи нужно будетъ спросить у посланниковъ по обыкновенію, какъ здоровье царя, и въ какомъ состояніи они его оставили. Самъ царь стоялъ съ курфирстомъ у окна, чтобы видѣть ихъ въѣздъ, который былъ великолѣпенъ, и царь остался очень доволенъ.

„Знаете ли, какая мысль пришла мнѣ въ голову? Вы, вѣроятно, слышали, что Вейгеліусъ хлопочетъ о реформѣ нашихъ школъ и нашего образованія. Я ему напишу, что такъ какъ царь хочетъ вывести свою страну изъ состоянія невѣжества, то онъ найдетъ тамъ *tabulam rasam*, какъ-бы новину, кото-

¹⁾ Въ черновой, какъ это часто случалось, Лейбницъ не обозначилъ, къ кому написана письмо, но по содержанію его видно, что оно было написано къ кому-нибудь изъ придворныхъ съ тѣмъ, чтобы быть прочтеннымъ Антону-Ульриху.